

ЯЗЫК

А.С. Нилогов

МЕТОДОЛОГИЯ ДЕШИФРОВКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА СЛОВА / АНТИСЛОВА

Аннотация. В статье вновь ставится вопрос онтологического статуса слова, под которым понимается то, каким образом и в каком качестве бытийствует слово в естественном языке. Данная проблема рассматривается в перспективе методологического обоснования такой новой дисциплины на стыке лингвистики и философии, как философия антиязыка. В качестве примеров проблематизации онтологического статуса слов использованы дешифрованные лингвистические, а не языковые, единицы древних письменностей (древнеегипетские, шумерские и др.), которые получаются в результате специальных методов и приёмов по реконструкции понимания неизвестных текстов.

В статье используются такие методы, как антиязыковой, герменевтический, криптофилологический, лингвистический, дешифровка, реконструкция, филологический, эвристический, этимологический.

В результате проведённого исследования названия для дешифрованных языковых единиц были номинированы в качестве антислов, которые используются в обычном естественном языке, но неочевидным образом принадлежат области антиязыка. Конкретно были определены следующие родовые классы антислов: дешифрологизмы (для названий слов, дешифрованных гипотетическим образом, а также вообще все слова ныне мёртвых письменных языков) и недешифрологизмы (для названий слов мёртвых бесписьменных языков). Внутри класса дешифрологизмов были выделены следующие подклассы антислов: собственно дешифрологизмы (конвенциональные дешифрологизмы), криптодешифрологизмы и кваздешифрологизмы (псевдодешифрологизмы).

Ключевые слова: антислово, дешифрологизм, египтологизм, Перепёлкин, философия антиязыка, Дьяконов, египтология, дешифровка, онтологический статус дешифрологизма, Емельянов.

Abstract. In his article Nilogov again raises a question about the ontological status of the word which he understands as the manner and the fashion in which a word exists in a natural language. The topic is being viewed from the point of view of the methodological grounds of the philosophy of antilanguage, a new discipline created at the confluence of linguistics and philosophy. As an example of the ontological status of the word, Nilogov uses decrypted linguistic instead of language units when analyzing ancient writings (Ancient Egyptian and Sumerian and etc.).

These units are obtained as a result of application of particular methods and techniques aimed at reconstruction of ancient texts' interpretation. In the course of his research Nilogov has used antilanguage, hermeneutical, cryptophilological, linguistic methods, decryption, reconstruction, philological, heuristical and etymological methods.

As a result of the research, decrypted language units are classified as antiwords that are usually used in a natural language but at the same time non-obviously refer to antilanguage. In particular, the author defines the following kinds of antiwords: decrypted antiwords (that denote hypothetically decrypted words as well as all words from dead written languages) and non-decrypted antiwords (that denote words from dead nonliterate languages). Nilogov divides all decrypted antiwords into the following subclasses: particular decrypted antiwords (conventional decrypted antiwords), cryptodecrypted antiwords and quasidecrypted antiwords (pseudodecrypted antiwords).

Key words: ontological status of the decrypted antiword, decryption, Egyptology, Dyakonov, philosophy of antilanguage, Perepyolkin, egyptologism, decrypted antiword, antiword, Emelyanov.

Любой предмет этого мира может из замкнутого существования перейти в состояние слова, открыться для усвоения обществом – ведь никакой закон, ни природный, ни иной, не запрещает нам говорить о чём угодно.

Р. Барт [1, с. 233]

Во всяком обществе есть общепринятый язык со своим запасом слов и форм. Они являются привычны и обычны, они употребляются для выражения мыслей, они держатся памятью так, как держится и всякий чужой, выученный нами язык. Эти слова не рождаются в душе нашей, но предлагаются услужливой памятью, механизмом ассоциаций, по мере надобности, как готовые знаки для выражения понятий. Лакированные и замасленные от употребления, стёршиеся мёртвые слова имеют своё удобство для тех целей, для которых они употребляются, и природа слова настолько не чувствуется даже изучающими слова, что они в этих омертвевших знаках только и видят истинные слова и открыто предпочитают их словам живым.

С.Н. Булгаков [2, с. 144–145]

Здесь нас встречают всякие учения о происхождении слова из ассоциаций, апперцепций, рефлексов, артикуляций, но всё это, до известной степени, объясняет психический механизм языка, самое большее может лишь пояснить психическую сторону возникновения того или иного слова, его прорастание, но все эти психологические объяснения не могут, конечно, объяснить происхождение зерна слова, – самой идеации: почему из восприятий, переживаний, связей вылущивается это зерно-идея, обладающая самобытной жизнью, способная вспыхивать в сознании каждого человека, сохранять свою жизненную силу дольше, чем хлебные зёрна, найденные в могилах фараонов, ибо слова, сохранённые и в самой древнейшей письменности, несколько не утратили своей жизненности, своего бессмертия. Между психологическими объяснениями происхождения слова и самим словом возникает неизбежный hiatus.

С.Н. Булгаков [2, с. 21]

I. Онтологический статус слова / антислова

В данной статье мы бы хотели в очередной раз поднять такую лингвофилософскую проблему, как онтологический статус слова. В теории языко-

знания эта проблема может подниматься только косвенно в силу специфики лингвоцентризма. Это не проблема лексикологии или лексикографии, а исследовательская область философских оснований самой лингвистики, которая до этого лучше всего решалась в рамках такой философской дисциплины, как философия языка, а её частным случаем можно назвать русскую традицию философии имени (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев). Философия лингвистики (например, в изводе французского лингвиста Г. Гийома) максимально близка нашей попытке нового истолкования концептуальных основ, прежде всего – в качестве такого философского учения, как **философия антиязыка** [3].

Вопрос об **онтологическом статусе** – это вопрос о том, каков смысл слова «существует» в применении к тому или иному объекту. Под онтологическим статусом будем понимать то, *каким образом существует* та или иная вещь: реально (актуально) или виртуально (потенциально). Проблема онтологического статуса также связана с тем, *в каком качестве существует* та или иная вещь: самостоятельно (непосредственно, аутентично, подлинно) или несамостоятельно (опосредованно, неаутентично, неподлинно).

Под онтологическим статусом слова (соответственно) будем понимать то, **каким образом и в каком качестве существует слово в естественном языке**. Другими словами, является ли слово – словом или псевдословом (антисловом)? Способно ли слово полностью воязыковляться, а если только частично, то каковы пределы такового воязыковления? Для поиска ответов на эти вопросы проанализируем онтологический статус некоторых языковых единиц из сферы дешифровки древних письменностей, благодаря которым впоследствии обоснуем потребность в новой философско-лингвистической дисциплине – философии антиязыка.

Дешифровка как культурно-лингвистический феномен интересует нас как такая полевая практика, которая позволяет выявить плюсы и минусы философских (онтолого-гносеологических) оснований самого (общего) языкознания. Речь идёт о критическом отношении как к методологии (методам и приёмам) дешифрирования (и / или «дешифрологии»), так и к вытекающей из него терминологии, которая сквозь призму онтологического статуса слова / антислова оказывается, на наш взгляд, некорректной в плане неразличения эмических и этических терминов (для инвариантных и вариантных лингвистических единиц), а также нетолерантным отношением к тем альтернативным (порой псевдонаучным) дешифровкам древних текстов, которые были нарицательно объединены в т.н. лингвистическое фричество. Чтобы не показаться голослов-

ными, обратимся к конкретным иллюстративным примерам из области египтологии.

II. Египтологизмы

Известно, что в древнеегипетском иероглифическом письме не было знаков для обозначения гласных букв, поэтому оно называется квазиалфавитным, что проявляется, например, при дешифровке имён собственных египетских фараонов – египтологи на своё усмотрение подставляли гласные звуки, создавая соответствующие варианты: Тутмос и Тутмес, Аменхотеп и Аменхетеп. Консонантное (согласное) письмо более информативно, чем вокалическое (гласное). По словам советского востоковеда И.М. Дьяконова, «есть в дешифровке определённый барьер: можно определить принципиальный строй и состав письма, даже можно выяснить, какие знаки выражают гласные, какие – согласные, какие – группы согласных и гласных (и какие именно группы), но прочесть самые гласные и согласные, определить звучание знаков нельзя, если это звучание не подсказано написанием *тех же* слов и особенно *имён собственных* при помощи другого письма» [4, с. 14]. Например, в славянской звуковой системе даже действует закон, открытый отечественным языковедом И.А. Бодуэном де Куртенэ, согласно которому сокращается количество гласных и увеличивается количество согласных, так как смысловозначительная функция гласных уменьшается, а смысловозначительная функция согласных возрастает (ср.: в кириллице изначально было 43 буквы, а после реформы русской орфографии 1918 г. – всего 33 буквы).

Рассмотрим данную проблему более детально: «Среди иероглифов нет ни одного знака, представляющего гласный звук. Египетское письмо, таким образом, является чисто консонантной системой, как еврейское или арабское. Естественно, что вереница согласных может быть произнесена только тем, кто знает, какие гласные следует вставить в нужные места. Древние египтяне могли читать иероглифический текст со всеми гласными звуками, даже если эти звуки не были обозначены на письме: благодаря владению языком, каждый точно знал, какой гласный звук и между какими согласными необходимо вставить. Однако отсутствие гласных ставит проблему для египтологов. Поскольку язык иероглифической письменности на протяжении практически двух последних тысячелетий оставался языком мёртвым, никто точно не знает, как звучали древнеегипетские слова. Филологические исследования, конечно, позволили установить приблизительную огласовку для многих слов, однако подобного рода труды всё ещё остаются изолированной наукой. Для повседневного общения егип-

тологи приняли простое и радикальное правило, позволяющее сделать произносимым нагромождение согласных. Для этого они вставляют *e* между согласными (произносится нейтрально, как среднее между *e* и *э*). Слово подобное *snb* произносится *се-неб*, слово *nfrt* произносится *неферет* или *неферт* и т.д.

В добавление к этому было принято произносить ряд согласных, имеющих признаки гласных, как *a*, *u* и *y*. Произношение, порождённое данными согласными, является искусственным. Оно, вероятно, настолько далеко от истинного, что древний египтянин, услышав современного египтолога, говорящего по-египетски, вряд ли смог бы понять его, несмотря на то, что оба могли бы без особых проблем общаться друг с другом, используя письмо. Слова, в которых используется только гласный *e*, порой оказываются лишёнными благозвучия. По этой причине в течение долгого времени в прочтении многих царских имён использовалось иное произношение. Царское имя с огласовкой *Именхетеп*, соответствующей действующим египтологическим нормам, появляется в отечественной литературе в формах Аменхотеп или Аменхетеп, а в работах на английском языке – Amenhotep, Amenheter, Amunhotpe, и т.д. Имя царицы, представленное с египтологической огласовкой как *Неферет-иути* (*Neferet-iiti*), обычно читается *Нефертуми*, в английских работах – *Nefertiti*, тогда как немцы произносят его *Nofretete*. Естественно, что ни одна из приведённых форм не является точной. Древнее произношение, согласно новейшим исследованиям, вероятнее всего приближалось к *Nafteta*. Однажды было подсчитано количество используемых в современных публикациях способов передачи имени Имхотеп, принадлежавшего главе строителей царя Джосера. Обнаружилось тридцать четыре формы. Кроме того, некоторые царские имена имеют помимо этого ещё и греческие формы, ставшие известными благодаря классическим авторам. Эти формы также используются в современных книгах. В качестве примера можно привести имя Аменхетеп, которое греки произносили как *Amenophis* или *Memnon*. Греческие имена обычно могут быть распознаны по окончаниям *-os*, *is* или *-es*» [5].

Отдельно здесь следует упомянуть варианты прочтения древнеегипетских имён советским египтологом Ю.Я. Перепёлкиным на коптский лад в книге «Переворот Амен-хотпа IV» [6], в результате чего у него получаются такие монстры, как «Эх-не-йот» (вместо «Эхнатон») и «Тут-анх-йот» (вместо «Тутанхатон»). Заметим, что первой работой Ю.Я. Перепёлкина, в которой была осуществлена огласовка имён на коптский лад, является монография «Частная собственность в представлении египтян Старого царства» [7].

Ю.Я. Перепёлкин писал: «У читателя могут вызвать недоумение непривычные передачи египетских имён собственных. В книге сделана попытка, не во всём, вероятно, удачная, заменить привычную, но непословную и часто произвольную передачу древнеегипетских имён передачей их, если не на древний (что трудно осуществимо), то всё же на египетский, хотя и поздний, именно коптский, точнее саидский, лад.

Таким образом, вместо привычных, обыкновенно греческих и арабских, обозначений городов и местностей употреблены их коптские соответствия. Так, вместо «Луксор», «Мемфис», «Фивы», «Илиополь», «Фаюм», «Асуан», «Сиут», «Эсне», «Мединет-Абу», «Ахмим», «Ермополь» в книге значится: «Апе», «Мэнфе», «Нэ», «Он», «П-йом», «Свэн», «Сйовт», «Снэ», «Чэме», «Шмин», «Шмун». Более древнее произношение названия Эфиопии «Куш» заменено восстановленным на коптский лад произношением «Кош». «Эп-эсове», употреблённое вместо современного наименования «Карнак», представляет предположительное восстановление древнего названия, основанное на закономерностях египетского языка. <...>

Из передач царских имён некоторые близки к привычным, и пояснять их нет надобности. Имя жены Амен-хотпа IV передано как «Нефр-эт», а не условно «Нефертити», на основании греческой передачи сходного египетского имени как Nitētis («Нефр-эт» – «Прекрасная пришла», «Нит-эт» – «Нэит пришла»), однако с учётом установленного наукой обычного выпадения женского окончания t внутри сложных имён. Непривычно выглядят передачи царских имён, включавших в себя слово ḥrg (во множественном числе – ḥrgw «явления»): «Мен-шепр-рэ», «Нефр-шепр-рэ», «Анх-шепр-рэ», «Неб-шепр-рэ». Причиной тому замена на поздний лад звука ḥ звуком š в соответствии с греческим Nephersōphris, которое склонны считать передачей наименования Тхут-мосе III Nfr-ḥrgw («добрый явлениями»).

В сильнейшей мере отличает принятые здесь передачи от привычных произношение облюбованного Амен-хотпом IV наименования солнца itn как «Йот» вместо неправильного «Атон». Поскольку это наименование входит в состав целого ряда имён, они приобретают необычный вид: «Ах-йот» вместо «Ахетатон», «Эх-не-йот» вместо «Эхнатон», «Тут-анх-йот» вместо «Тутанхатон» и т.д. Разностороннее обоснование правильного произношения наименования дано в статье Г. Фехта (впервые правильное произношение было намечено в статье В.Ф. Олбрайта 1937 г.).

Египетские имена собственные, которые я не был в состоянии огласовать, переданы условно

и легко опознаются по применению в качестве гласных одних «е» (не «э»») [6, с. 5–6, 6–7] (см. также: [8]).

Как заметил отечественный историк-востоковед А.Л. Вассоевич, «в последние годы вокализация имён на позднеегипетский (коптский) лад, инициатором которой был Ю.Я. Перепёлкин, нашла своих убеждённых сторонников [многочисленные работы О.Д. Берлева и Е.С. Богословского. – Прим. А.Н.]. Однако важным аргументом для приверженцев условной «школьной» огласовки является то, что сама система египетского вокализма изучена в целом ещё недостаточно хорошо и в ряде случаев мы не знаем, как правильно огласовать то или иное имя» [9, с. 88] (см. также: [10; 11]).

Кроме этого, сам Ю.Я. Перепёлкин предлагал кунеизировать (от *cuneiform* – «клинопись») египетские имена, то есть читать их на клинописный лад. Тогда, например, вместо имени фараона «Тархарка» следует читать «Тарку». А.Л. Вассоевич: «Но если о расхождениях между правописанием и реальным произношением согласных можно в какой-то степени судить по самим иероглифическим текстам, когда в них опускаются обычно выписывающиеся фонетические знаки, то основой для вокализации египетских слов продолжают служить данные коптского языка – последней ступени развития египетского, использовавшего греческий алфавит, а также греческие и клинописные передачи отдельных египетских слов, большей частью имён собственных» [9, с. 88–89].

Всё вышеперечисленное позволяет нам сделать вывод о том, что произношение слов, дешифрованных египтологами с употреблением гласных звуков (путём огласования), является по преимуществу гипотетическим. Данные дешифрованные слова мы предлагаем объединить в один из классов антислов – **египтологизмы**.

Открытие таких классов антислов [12; 13; 14; 15], как египтологизмы, позволит выявить в языке целый антисловный пласт, чья этимология выведет к антиязыковому базису всего многообразия естественных языков – как живых, так и мёртвых. Количество антислов при дешифровке того или иного мёртвого языка часто не вызывает тревоги вследствие гипотетической природы лингвистических процедур, однако важно помнить о том, что любой живой язык содержит в себе прототип мёртвого языка, а лексиконы обоих языков сосуществуют как равноправные. Не подозревая о том, что мы нередко говорим антисловами, вербальное мышление спускает на тормоза проблему «изначального опоздания» для антислов, когда подразумеваемое отставание автоматически переносится на антислова, тогда как в действительности означающее

опаздывает к означаемому лишь формально, но не принципиально.

Принцип «изначального опоздания» – это фундаментальный феномен, проблематизирующий философию антиязыка, составляет принцип «изначального опоздания». Понятие «изначального опоздания» терминологически вводится французским философом В. Декомбом для характеристики философии своего соотечественника – деконструктивиста Ж. Деррида, который, развивая континентальную традицию европейской мысли (вослед М. Хайдеггеру), максимально усугубляет метафизику присутствия / отсутствия. Согласно «изначальному опозданию», прежде всего, применительно к семиотическому пониманию языкового знака как единства означаемого (плана выражения) и означающего (плана выражения) проблема сигнификации выражается в общем виде в изначальном запаздывании плана выражения (означающего) к плану содержания (означаемого), а последнего, в свою очередь, к референту [16, с. 328–329, 367; 17, с. 140–146].

Здесь будет уместным следующий пример, изложенный в книге советского лингвиста-востоковеда И.М. Дьяконова «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки». Речь идёт об эпохальной дешифровке французским египтологом Ж.-Ф. Шампольоном древнеегипетских иероглифов, однако затрагивается и собственно языковая проблема бытования древнеегипетского языка на уровне соотношения орфоэпии и орфографии: «Вскрыв специфику египетского звукового письма, состоящего в том, что «египтяне, по-видимому, игнорировали гласные и очень часто их не писали», Шампольон, однако, чересчур упростил ситуацию, не сумев идентифицировать в египетском письме знаки типа CC (и более сложные). Эти знаки идентифицировал Р. Лепсиус, тем самым точно определивший систему египетского письма. Следует, однако, учесть, что, и ошибаясь, Шампольон не допускал появления внутренних противоречий в своих построениях: последовательности типа $C_1C_2-C_2$ читались им как C_1-C_2 , что было теоретически вполне допустимо (появление «вторых C_2 » отражало специфику письма, а не речи)» [4, с. 13].

Далее укажем на другие примеры дешифровок древних языков, результаты которых в нашей классификации являются антисловами: в целом они составляют такой класс антислов, как **дешифрологизмы**, который включает несколько подклассов антислов, в частности, ранее названный подкласс антислов – **египтологизмы (коптологизмы, следуя Ю.Я. Перепёлкину)**. Поскольку в русском языке есть заимствования из египетского языка (разных изводов), то они по аналогии с заимствованиями

из других языков должны называться **«египтизмами»** (большинство египтизмов в русском языке обязаны греческому посредничеству [18]; ср.: русизмы – из русского языка, галлицизмы – из французского языка, англицизмы – из английского языка, американизмы – из американского языка и т.п.), тогда как те «египтизмы», которые не могут быть точно дешифрованы, в основном имена собственные (например, фараонов), по своему статусу являются антисловами и называются египтологизмами (чтобы не путать с полноценными египтизмами).

Дешифрованные древнеегипетские иероглифы являются антисловами постольку, поскольку гласные звуки в них гипотетичны – иероглифы не передавали гласных звуков (неинформативных в отличие от согласных), но сами древние египтяне умели вставлять нужные гласные (впрочем, существует предположение, что древнеегипетские жрецы с течением времени сами утратили правила чтения иероглифов, произнося перед пастью настоящие антислова – **первичные египтологизмы** в отличие от **вторичных египтологизмов**).

Таким образом, **вторичные египтологизмы** – это гипотетические египтизмы, которые дешифрованы с той или иной долей вероятности, причём с использованием разных традиций дешифровки. Подобного рода дешифрованные слова, имея прописку в современных языках, тем не менее, с точки зрения своего онтологического статуса не являются полноценными словами, так как существуют в нескольких вариантах, обусловленных не вариативностью произношения палеоносителями, а вариативностью чтения (и соответственно произношения) самих египтологов, занимающихся расшифровкой; по сути речь идёт о воскрешённом из мёртвых, словно мумия, древнеегипетском языке, который, претендуя в лице египтологов на аутентичность, на самом деле оказывается пиджином египтологии, на котором общаются между собой сами египтологи, а такой дешифрованный пиджин (та же современная латынь) развивается интенсивней, чем во времена своего живого бытования.

Приведём пример из шумерологии, который упоминается в книге В.А. Кузьмищева «Тайна жрецов майя»: «...знание языка рукописи – идеальное благоприятное условие для её дешифровки. Если же письмо является буквенно-звуковым, то есть каждому звуку (или сочетанию звуков) соответствует конкретный знак (или же сочетание) и знаки сами по себе не несут смысловую нагрузку, а лишь передают звуковую речь, дешифровка такого письма без знания языка вообще исключается (по крайней мере, на сегодняшнем уровне научных и технических возможностей). Однако можно привести совершенно противоположный пример (правда, не

с буквенно-звуковой письменностью): шумерские тексты были дешифрованы и полностью переведены, хотя вот уже несколько тысячелетий язык шумеров не звучит на нашей планете. На нём никто не говорит, и в этом смысле его никто не знает. Если бы сейчас удалось каким-то чудом воскресить шумера, с ним можно было бы без особого труда сразу же объясниться письменно, однако, если воскресший оказался бы, к несчастью, неграмотным, его пришлось бы в срочном порядке обучить либо шумерской грамоте, либо одному из современных языков (трудно сказать, чему следовало бы отдать предпочтение)» [19].

III. Дешифрологизмы

Учитывая тот факт, что все дешифрованные слова всех мёртвых языков по своей природе (в силу их онтологического статуса в современных живых языках) являются антисловами (то есть дешифрованными вероятностным образом) – **дешифрологизмами**, объявляется конкурс на номинацию соответствующих классов антислов. Здесь важно отметить то, что под дешифрологизмами мы понимаем не только те слова, которые дешифрованы гипотетическим образом, а вообще все слова ныне мёртвых письменных языков (для мёртвых бесписьменных языков – соответствующий класс антислов в виде **недешифрологизмов**). Антисловный класс дешифрологизмов по ходу рассуждения можно подразделить на три подкласса: **собственно дешифрологизмы (конвенциональные дешифрологизмы)** как названия для зафиксированных слов до наших дней, но остающихся в той или иной мере не дешифрованными (без точной фонетической транскрипции (включая отсутствие правильного ударения), без точного лексического значения, без точного графического начертания и т.п.), **криптодешифрологизмы** как названия для всех недешифрованных слов древних письменных языков, которые не надо путать с **псевдодешифрологизмами**, то есть с примерами как неудачной или недобросовестной дешифровки, так и намеренно неверной дешифровкой (творчество т.н. лингвофриков [20]).

Ср.: И.М. Дьяконов: «В специальной работе о методах дешифровки П. Аальто классифицирует различные виды дешифровок следующим образом: дешифровка неизвестного письма, которым записан известный язык; дешифровка неизвестного языка, записанного известным письмом (этот вид работы предпочтительно называть интерпретацией); дешифровка неизвестного письма и языка (неизвестный язык записан неизвестным письмом). Эту классификацию принимает и И. Фридрих» [4, с. 16].

IV. Праформологизмы

Не менее интересны реконструированные языки – праязыки, чьи праформы являются не столько антисловами, сколько пара(слово)формами, ручаться за которые можно с той или иной долей вероятности, однако антисловами могут являться названия для таких реконструированных праформ, – соответственно – **праформологизмы** (например, в период существования праславянского языка по реконструкции профессора Ю.Я. Бурмистровича: *(w`i)(hã) → *w`is`ã → *w`s`a 'вся', *(s`t`i)(gã) → *s`t`iz`ã → *s`t`z`a 'стеязь' [21, с. 96] (см. также: [22]), которые, например, наряду с названиями для иррациональных чисел [12] являются компромиссным (то есть частично словоформенным) вариантом антислов (не думаем, что кто-то поручится за безусловное признание за такими реконструкциями настоящих слов, фиксированно сохранившихся до наших дней в этимологических словарях).

Таким образом, с позиции антиязыковой методологии, например, египтологизмы как антислова в силу своего гипотетического бытования в том или ином языке будут подобны другим антисловам (и соответствующему антисловному классу) – **праформологизмам** (или **этимологизмам**, **этимологизмам**). Итак, праформологизмы – это такие (анти) слова, которые представляют собой все реконструированные языковые единицы – так называемые праформы (этимоны) для современных слов. В данном случае речь идёт об определении онтологического статуса словарно зафиксированных этимологических реконструкций (включая и такие слова, которые являются названиями реконструированных инвариантных единиц – например, фонем (**прафономологизмы**) и звуков / аллофонов (**прааллофомологизмы**) при реконструкции парадигматики (консонантизматика + вокализматика) праславянского языка). Для конкретизации примеров воспользуемся одним из этимологических словарей русского языка, а именно «Историко-этимологическим словарём современного русского языка» П.Я. Черныха:

«**БОРОДА** <...> О.-с. [общеславянская форма. – Прим. А.Н.] *borda (< и.-е. [индоевропейская форма. – Прим. А.Н.] *bordhã) – «борода» <...>» [23, с. 104]. В данном примере в статусе антислов выступают праформологизмы – ***borda** и ***bordhã**.

«**МЯИСО** <...> О.-с. *mešo. И.-е. основа *mēmso <...>» [23, с. 553]. В данном примере в статусе антислов выступают праформологизмы – ***mešo** и ***mēmso**.

С точки зрения этимологической методологии любая реконструкция этимона – гипотетична, то есть недостоверна. Следовательно, онтологический статус подобных праформ весьма условен, но научно мотивирован с позиции традиции сравнительно-

исторического языкознания (ср.: [23, с. 4]). Протицируем автора данного этимологического словаря: «Поставив себе задачей достижение максимальной убедительности того или иного объяснения, этимолог, по большей части, всё же вынужден работать не столько в области достоверного, сколько гипотетического. Конечно, элемент гипотетичности в языкознании, в истории человеческой речи, не является достоянием только этимологических разысканий. В большей или меньшей мере он имеется во всех сравнительно-исторических построениях, если речь идёт о дописьменном периоде. Но историку языка – этимологу приходится пользоваться гипотезой и оперировать словесными формами (разумеется, особенно оговорёнными), придуманными *ad hoc*, возможными, допустимыми, но не засвидетельствованными ни в письменных памятниках, ни в живой речи, гораздо чаще, чем, скажем, историку языка – фонетисту, который ведь тоже не чуждается таких построений: ср., напр., предположение Фортунатова о наличии носового ё (ѣ) в общеславянском праязыке. Это предположение понадобилось основоположнику Московской школы языковедов для того, чтобы объяснить южнославянское е в тех случаях, когда в других славянских языках имеется ё (ѣ); <...>. Элемент гипотетичности в этимологических разысканиях объясняется самим характером материала, с которым приходится иметь дело этимологу: отдельно существующих слов много, гораздо больше, чем типовых звуков или типовых грамматических форм и грамматических категорий.

В общем можно сказать, что достоверность любой этимологии, удовлетворяющей даже самым строгим научным требованиям, поскольку она имеет отношение к доисторическому периоду развития того или иного языка, не может быть больше достоверности археологического объяснения, когда оно опирается на показания памятников материальной культуры, или объяснения палеонтологического. Как говорит Г. Шухардт, «ни в области фонетики, ни в области семантики мы не можем рассчитывать на математически точные результаты; на всех наших этимологических операциях лежит печать вероятности» (разрядка П.Я. Черных) [23, с. 17–18].

V. Онтология (методологии) дешифровки

Конечно, слова советского лингвиста-востоковеда И.М. Дьяконова о том, что «большинство алфавитных и квазиалфавитных письменностей древнего мира уже расшифровано, и языки, которые ими пользовались, интерпретированы» [4, с. 9] заслуживают одобрения, но с поправкой на онтологический статус артефактов подобных дешифровок, чего, правда, нельзя сказать о словесно-слоговых письменностях,

многие из которых не имеют билингв, а потому остаются загадкой для исследователей, вызывая множество псевдодешифровок. Тот же автор и говорит о феномене ложной дешифровки, результаты которой можно обобщить в соответствующий класс анτισлов – **квазидешифрологизмы**, или **псевдодешифрологизмы**. И.М. Дьяконов пишет: «Так, в 1967 г. профессор Саймон Дэвис выпустил книгу, содержащую «дешифровку» надписи Фестского диска, критских иероглифических печатей и ряда других, недоступных пока науке надписей, несмотря на то, что её основные положения (высказанные в ранее опубликованных им работах) были подвергнуты суровой критике со стороны ведущих специалистов (ср. замечания М. Поупа, Г. Ноймана, Дж. Чэдуика в их работах, помещённых в настоящем сборнике). Точно так же и профессор Ганс Штольтенберг «дешифровал» в своё время чуть ли не все средиземноморские письменности. Не менее унылый след оставили после себя в истории дешифровки А. Менц, Ф. Борк и ряд других исследователей» [4, с. 15]. С другой стороны, по словам того же Дьяконова, «использование различных методов не следует ставить в вину дешифровщику: это не эклектизм, а проверка одного метода другим. В самом деле, дешифровщик вынужден многократно проверять верность своей дешифровки самыми различными способами, и чем больше таких способов, тем лучше» [4, с. 26].

Итак, псевдодешифрологизмы (квазидешифрологизмы) – название для класса анτισлов, представляющих собой такие «слова» (потому и – анτισлова), которые неправильно (некорректно) дешифрованы (по сути это дважды анτισлова, так как вместо расшифровки той или иной степени гипотетичности / достоверности мы имеем дело с вторично зашифрованными словами, когда дешифровка оборачивается повторной шифровкой).

И.М. Дьяконов отмечает: «Другие попытки дешифровок были обречены на неудачу с самого начала. Авторы их, не видя характерных связей между неизвестным и известным, но, стремясь их увидеть во что бы то ни стало, пытались сами конструировать эти связи. Достигалось это различными путями. Дешифруемая письменность объявлялась, например, генетически родственной какому-либо известному письму, причём случайное, а иногда и просто несуществующее сходство между обеими письменностями выдавалось за доказательство родства. Подобным же образом сравнивались языки (при этом «дешифровщик» отталкивался либо от реального текста на неизвестном языке, либо – если письменность была неизвестна – от фантастической транскрипции, полученной в результате псевдодешифровки письменности). Естественно, что при таких сравнениях никаких вразумительных чтений получить не могло.

Поэтому «дешифровщики» были вынуждены на каждом шагу «подгонять» свои тексты под тот или иной язык, читая одни знаки вместо других, объясняя плохие чтения либо ошибками писцов, либо «спецификой» дешифруемого языка. Впрочем, такая «подгонка» затрагивала в основном фонетику и морфологию дешифруемого «языка». Что же касается добытого таким путём содержания, то здесь обычно действовали по принципу: «чем нелепее, тем лучше» (считалось, что на неизвестном языке могло быть написано всё, что угодно). Бывало и так, что «дешифровщики» не утруждали себя сравнением неизвестного письма или языка с известным письмом или языком. Получая тем или иным способом «чтения» на «новом языке», они наделяли эти чтения каким угодно содержанием.

Иногда думают, что подобные построения трудно опровергнуть. В действительности опровергнуть их довольно легко, ибо они всегда содержат множество внутренних противоречий; но даже если бы они оказались внутренне непротиворечивыми, в них можно было бы отыскать уязвимые места. Дело в том, что язык человека обладает определёнными закономерностями: каждый язык имеет свою особую систему (а не хаотический набор) звуков, гласные и согласные в словах чередуются определённым образом и т.д. «Языки» же, получаемые в результате псевдодешифровок, такими закономерностями не обладают.

Неверно считать, что псевдодешифровщики обычно являются профанами. Нередко в этой роли выступали заслуженные учёные, почтенные эрудиты» [4, с. 11–12].

Конечно, у практики дешифрования древних письменностей и языков есть и свои плюсы, помогающие совершенствовать приёмы и методы сравнительно-исторического языкознания, результаты применения которых, тем не менее, конвенциональны и онтичны: «При дешифровке языка, представляющего более древнюю стадию известного языка, должно учитываться всё то, что уже достигнуто сравнительным анализом данной группы языков. Так, при дешифровке линейного Б в архаическом языке табличек оказались действительно зафиксированными те формы – фонетические и грамматические, – которые были задолго до того реконструированы в работах лингвистов для предыстории классического греческого языка; с другой стороны, дешифровка крито-микенских текстов внесла в эти реконструкции некоторые, в общем незначительные, корректуры; гораздо более значительные исправления в реконструкцию праиндоевропейского языка были внесены после дешифровки хеттского, однако и здесь наиболее важные из достижений прежней компаративистики подтвердились блестящим образом – достаточ-

но назвать обнаружение в хеттском так называемых ларингальных звуков, существование которых в индоевропейском языке предложил Ф. де Соссюр за много лет до Б. Грозного» [4, с. 24–25].

VI. Ассириологизмы

Теперь перейдём к другим подклассам дешифрологизмов, образующимся в результате расшифровки древних (мёртвых) языков. По словам российского востоковеда-шумеролога В.В. Емельянова, можно выделить такой подкласс, как **ассириологизмы**, которые включают в себя и шумерологизмы, и акадологизмы, рождаясь от неверного чтения слогов, а не консонантов (как при расшифровке древнеегипетского языка): «В клинописи читаются и гласные, и согласные. Но каждый знак имеет до 5 понятийных и до 15 слоговых значений». Вследствие этих сложностей и тонкостей возникает проблема дешифровки всех древних восточных языков, которые пользовались клинописью. Автор пишет: «В самом деле, ассириология несколько раз переживала смены имён, потому что уточнялись чтения. Но дело не только в этом. Иногда библейское чтение имени смешивалось с подлинным вавилонским или ассирийским, и тогда получались монстры. Ашшурбаналпал и Ашшурбанипал ещё можно пережить. Но бывают Сеннахерим, Синнахериб и Синаххериб, Асархаддон, Асархадон, Ашшурахейддина и Ассаргадон, Набукдурриуцур, Навуходоносор и Набукодросор, Тукultiпалеашшур и Тиглатпаласар. Обобщая, можно сказать: разницу в чтении дают уточнение клинописного текста, библейское чтение и смесь того и другого. Унифицировать нельзя. Поэтому сперва в комментарии или в указателе ставится наиболее распространённое чтение, а в скобках после него – все остальные. Некоторые имена мы до сих пор не можем прочесть правильно. Так, например, имя одного из правителей Лагаша в начале прошлого века читали Урукагина, со второй половины XX в. стали читать Уруинимгина, в начале 1990-х прочли Ирикагина, а теперь опять вернулись к старому, столетней давности чтению, но ставят большие буквы: Uru-KA-gina. Большие, потому что так и не накопилось аргументов в пользу чтения КА как *inim*.

Эпоха, в которую текст впервые прочитан, сразу берёт древнее имя на вооружение. Как экзотика, как сладкая конфетка, имя попадает в литературу. До 1890 г. имя Гильгамеша читали неправильно – Издубар. И что же? В романе Болеслава Пруса «Фараон» фигурирует халдейский жрец именно с таким именем, невозможным и неправильным для древней Месопотамии. Точно так же имя второго героя аккадского эпоса – Энкиду – неверно читали по-аккадски, то есть Эабани. И надо бы забыть эту ошибку пер-

вых дешифровщиков, да Анна Андреевна Ахматова не позволяет: «И Троя не пала, и жив Эбани, и всё потонуло в душистом тумане...». Если героя прозаического произведения – ради смеха – можно переименовать в Гильгамеша, то героя стихотворного произведения запрещает переименовывать рифма. При новом чтении получилось бы что-то вроде: «И Троя не пала, и жив Энкидú, и всё потонуло в кошмарном бреду». Брюсовского Ассаргадона тоже не назовёшь Асархаддоном – меняется что-то в фонике стиха, и меняется к худшему. Ассаргадон – сочетание сурового «сс» и твёрдого «г». Асархаддон – звучит мягко, тихо, даже двойное «д» не помогает. И вместе со звучанием имени уходит идея сонета.

Современные ассирийцы называют своих детей и правителей Хаммураби. А ведь это старое чтение, возникшее ещё до того, как узнали, что клинописный знак VI имеет чтение ri_2 . Что же теперь – переименовывать детей? Не получится (сколько поколений уже в земле лежат с таким именем!). К тому же для англоязычной культуры Hammurabi и Hammurapi – неверное и верное чтения – абсолютно равноправны. Неверное чтение древнего имени мгновенно схватывается и присваивается дешифрующей эпохой и становится таким же артефактом культуры, как и верное древнее чтение, узнаваемое после. Значит неверное столь же ценно, как и правильное. По чтению можно датировать научный текст! За каждым вариантом чтения – определённый набор идей и гипотез. Каждое чтение – граница применимости первоустановленных законов. Законченная форма культуры. След ископаемого в каменном угле.

Ср.: 1) «Сумир» – эпоха М.В. Никольского, «Шумер, шумерийцы, шумерийский» – от В.К. Шилейко до В.В. Струве включительно, «Шумер, шумеры, шумерский» – от И.М. Дьяконова до наших дней; 2) «Издубар» – издание П. Хаупта (1881), «Гильгамеш» – издание Р. Кэмпбелл-Томпсона (1930), «Гильгамеш» – с 1940-х гг.

Вот почему нужно с любовью собирать старые чтения и не стараться во что бы то ни стало замечать их» [24].

VII. Тезаурус антиязыка

Теперь подытожим нашу авторскую терминологию и иллюстративный материал в рабочих определениях:

1) **антиязык** – это система (совокупность) классов антислов, которые представляют соответ-

Список литературы:

1. Барт Р. Мифологии / Пер. с франц., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М., 1996.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. Париж, 1953.
3. Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб., 2013.
4. Дьяконов И.М. Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки: сборник статей / Сост., ред., предисл. И.М. Дьяконова. М., 1976.

ствующие области частично или полностью не поименованного бытия;

2) **философия антиязыка** – это новый раздел философии (или подраздел философии языка), в котором выявляются собственно и не собственно антиязыковые дискурсивные практики. В первом случае понимается поиск таких классов антислов, которые *par excellence* невыразимы в естественном человеческом языке. Во втором – критика существующих способов коммуникации и сигнификации посредством естественного человеческого языка.

Ещё раз перечислим те новые классы и подклассы антислов, которые нам удалось выявить, проанализировав проблемы дешифровки древних письменностей с точки зрения онтологического статуса результатов (дешифрованных единиц) прошлых, настоящих и будущих дешифровок.

Во-первых, был выделен родовой класс антислов – **дешифрологизмов**, включающий слова, которые дешифрованы гипотетическим образом, а также вообще все слова ныне мёртвых письменных языков. Для мёртвых бесписьменных языков был выделен соответствующий родовой класс антислов – **недешифрологизмы**.

Внутри класса дешифрологизмов были выделены следующие подклассы антислов: **собственно дешифрологизмы** (конвенциональные дешифрологизмы), **криптодешифрологизмы** и **квазидешифрологизмы (псевдодешифрологизмы)**.

В свою очередь собственно дешифрологизмы и криптодешифрологизмы могут быть подразделены на такие подклассы, как:

- 1) египтологизмы (включая первичные и вторичные египтологизмы);
- 2) ассириологизмы (включая ассириологизмы, шумерологизмы, аккадологизмы);
- 3) коптологизмы;
- 4) эламологизмы.

В свою очередь **квазидешифрологизмы (псевдодешифрологизмы)** могут быть подразделены на такие подклассы, как:

- 1) случайные квазидешифрологизмы;
- 2) сознательные квазидешифрологизмы.

Помимо данных классов антислов в статье был упомянут родовой класс **праформологизмов**, которому будет посвящена отдельная статья, а также иные, ещё не устоявшиеся, названия для классов антислов, которые требуют дополнительного проблемного изучения.

5. Древнеегипетская иероглифическая письменность. [Электронный ресурс] URL: http://www.refill.ru/egypt/scribe/hiero/1_4-5.htm (дата обращения: 09.11.2015).
6. Перепёлкин Ю.Я. Переворот Амен-хотпа IV. Часть I. Кн. 1 и 2. М., 1967.
7. Перепёлкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства. М.–Л., 1966.
8. Перепёлкин Ю.Я. Переворот Амен-хотпа IV. Часть II. М., 1984.
9. Вассоевич А.Л. Редуцированные гласные в египетском языке VII в. до н.э. (по ассирийским клинописным передачам египетских имён собственных) // Вестник древней истории. 1983. № 3. С. 88–95.
10. Вассоевич А.Л. К реконструкции системы египетского вокализма (о редукации гласных в египетском языке VII века до нашей эры) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Ч. 1. М., 1982. С. 172–176.
11. Вассоевич А.Л. К основам египетского вокализма // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 130–135.
12. Нилогов А.С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. 2013. № 3. С. 266–274.
13. Нилогов А.С. Антиязык как ясновидение в бессловесной коммуникации Д.Г. Беннета // Психология и психотехника. 2015. № 1. С. 92–103.
14. Нилогов А.С. Сплю, следовательно, существую // Психология и психотехника. 2015. № 4. С. 373–382.
15. Нилогов А.С. Психология и философия антиязыка (на материале монографии И.А. Бесковой «Природа сновидений») // Психология и психотехника. 2015. № 6. С. 588–601.
16. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина, под ред. В.Ю. Кузнецова. М., 2000.
17. Декомб В. Современная французская философия: сборник / Пер. с франц. М.М. Фёдоровой. М., 2000.
18. Эрнштедт П.В. Египетские заимствования в греческом языке. М., 1953.
19. Кузьмищев В.А. Тайна жрецов майя. М., 1975. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bibliotekar.ru/maya/36.htm> (дата обращения: 09.11.2015).
20. Коллекция лингвофриков. [Электронный ресурс] URL: <http://lingvofreaks.livejournal.com> (дата обращения: 09.11.2015).
21. Бурмистрович Ю.Я. Позиционные смягчения заднеязычных согласных в праславянском языке // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 90–113.
22. Бурмистрович Ю.Я. Историческая фонемология цепи славянских языков, связанных отношениями “предок-потомок”, от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского: теоретический курс: уч. пос. для студентов-филологов-русистов вузов. Абакан, 2008.
23. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1: А – Пантомима. М., 1999.
24. Живой журнал В.В. Емельянова. [Электронный ресурс] URL: <http://banshur69.livejournal.com/27737.html> (дата обращения: 09.11.2015).

References (transliteration):

1. Bart R. Mifologii / Per. s frants., vstup. st. i komment. S.N. Zenkina. M., 1996.
2. Bulgakov S.N. Filosofiya imeni. Parizh, 1953.
3. Nilogov A.S. Filosofiya antiyazyka. SPb., 2013.
4. D'yakonov I.M. Tainy drevnikh pis'men. Problemy deshifrovki: sbornik statei / Sost., red., predisl. I.M. D'yakonova. M., 1976.
5. Drevneegipetskaya ieroglificheskaya pis'mennost'. [Elektronnyi resurs] URL: http://www.refill.ru/egypt/scribe/hiero/1_4-5.htm (data obrashcheniya: 09.11.2015).
6. Perepelkin Yu.Ya. Perevorot Amen-khotpa IV. Chast' I. Kn. 1 i 2. M., 1967.
7. Perepelkin Yu.Ya. Chastnaya sobstvennost' v predstavlenii egiptyan Starogo tsarstva. M.–L., 1966.
8. Perepelkin Yu.Ya. Perevorot Amen-khotpa IV. Chast' II. M., 1984.
9. Vassoevich A.L. Redutsirovannye glasnye v egiptskom yazyke VII v. do n.e. (po assiriiskim klinopisnym peredacham egiptskikh imen sobstvennykh) // Vestnik drevnei istorii. 1983. № 3. S. 88–95.
10. Vassoevich A.L. K rekonstruktsii sistemy egiptskogo vokalizma (o reduksii glasnykh v egiptskom yazyke VII veka do nashei ery) // Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka: XVI godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya). Ch. 1. M., 1982. S. 172–176.
11. Vassoevich A.L. K osnovam egiptskogo vokalizma // Voprosy yazykoznaneya. 1983. № 4. S. 130–135.
12. Nilogov A.S. Antiyazykovaya nominatsiya bol'shikh chisel (V nachale bylo Chislo, i Chislo bylo u Boga, i Chislo bylo Bog) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 3. S. 266–274.
13. Nilogov A.S. Antiyazyk kak yasnovidenie v besslovesnoi kommunikatsii D.G. Benneta // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 1. S. 92–103.
14. Nilogov A.S. Splyu, sledovatel'no, sushchestvuy // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 4. S. 373–382.
15. Nilogov A.S. Psikhologiya i filosofiya antiyazyka (na materiale monografii I.A. Beskovoi «Priroda snovideniya») // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 6. S. 588–601.
16. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie / Per. s frants. D.Yu. Kralechkina, pod red. V.Yu. Kuznetsova. M., 2000.
17. Dekomb V. Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya: sbornik / Per. s frants. M.M. Fedorovoi. M., 2000.
18. Ernshtedt P.V. Egiptskie zaimstvovaniya v grecheskom yazyke. M., 1953.
19. Kuz'mishchev V.A. Taina zhretsov maiya. M., 1975. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.bibliotekar.ru/maya/36.htm> (data obrashcheniya: 09.11.2015).
20. Kolleksiya lingvofrikov. [Elektronnyi resurs] URL: <http://lingvofreaks.livejournal.com> (data obrashcheniya: 09.11.2015).
21. Burmistrovich Yu.Ya. Pozitsionnye smygcheniya zadneyazychnykh soglasnykh v praslavyanskom yazyke // Voprosy yazykoznaneya. 2009. № 5. S. 90–113.
22. Burmistrovich Yu.Ya. Istoricheskaya fonemologiya tsepi slavyanskikh yazykov, svyazannykh otnosheniyami “predok-potomok”, ot praindoyevpeiskogo v litse ego protoslavyanskogo dialekta do russkogo: teoreticheskii kurs: uch. pos. dlya studentov-filologov-rusistov vuzov. Abakan, 2008.
23. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. T. 1: A – Pantomima. M., 1999.
24. Zhivoi zhurnal V.V. Emel'yanova. [Elektronnyi resurs] URL: <http://banshur69.livejournal.com/27737.html> (data obrashcheniya: 09.11.2015)